

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ СТРУГАЦКИХ («ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК», «ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»)

В данной статье рассматриваются особенности функционирования жанров утопии и антиутопии в творчестве братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Основное внимание уделяется изучению структуры взаимоотношений пространства и времени в художественном целом, в частности роли хронотопа как формально-содержательного явления прозаического текста. Сложная комбинация литературной утопии и антиутопии в исследуемых романах Стругацких инициирует использование анализа хронотопа для определения доминантного жанра. Выяснение характера временных и пространственных компонентов хронотопа позволяет установить признаки, имманентные определенным жанрам. Рассматриваются романы «Полдень, XXII век» и «Град обреченный». В названных произведениях братьев Стругацких специфика хронотопа дает возможность исследовать трансформацию номинальных признаков утопии и антиутопии в контексте влияния авторского замысла.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, роман, признаки жанра, хронотоп, фантастика, абсолютное время, абсолютное содержание, пространственные и временные компоненты, сюжет.

Центральное жанровое значение произведения раскрывается через взаимосвязь пространственных и временных компонентов изображаемого автором мира. М. Бахтиным было отмечено, что «жанровые разновидности определяются именно хронотопом»: по устройству пространства и времени строится весь каркас произведения [1, с. 341]. При неясности отдельных конкретных признаков можно опираться на свойства хронотопа как ключевого фактора определения жанра.

Во многих произведениях братьев А. и Б. Стругацких сложно установить жанровую принадлежность, в крупной прозе писателей отмечены синтетические слияния. Стругацкими используются приемы фантастики и аллегории, затрудняющие выделение ключевого жанра.

Роман «Возвращение» («Полдень, XXII век») можно отнести, как и ранние рассказы Стругацких, к приключенческой или научной фантастике. Изображение футуристического будущего, построенного на культе логики, невероятных открытий и героических персонажей – такую картину демонстрируют Стругацкие в рассказах и «Полдне». Главные герои попадают в ситуации, требующие волевых поступков и основанные на решении философских и общемировых проблем. Частному нет места в этот период творчества фантастов. Так, в «Полдне» описано общество, в котором возможные конфликты сведены к поиску способов оптимизации жизни.

Все сказанное отсылает к жанру фантастическому. Пространственные ориентиры в тексте подсказывают, что перед нами практически «чистая» фантастика (социальная и приключенческая), которая, по мнению Е.Н. Ковтун, «претендует на принципиаль-

* © Эверстов М.С., 2016

Эверстов Максим Сергеевич (magistr_magius@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

ную объяснимость и логическую мотивацию своего присутствия в тексте» [3, с. 59]. Рассмотрев же локальный контур мира в «Полдне» Стругацких, можно отметить типичное для утопического жанра строение хронотопа. В классических текстах Т. Мора «Утопия» и Т. Кампанеллы «Город Солнца» пространственные границы государств — это границы острова. Мир утопий замкнут во всех категориях конструкции хронотопа. Изолированность выступает утопической традицией, основанной на желании сохранить установленный порядок вещей и пресечь внешнее воздействие, распространение пространства на целые страны и континенты не меняет заряда утопии. Так, в романе «Возвращение» место, в котором происходят события, ограничено планетой: главные герои много путешествуют и изображены в разном возрасте, даны в развитии.

Относительно внутреннего содержания утопии «Возвращение», тех сюжетных ориентиров, которые оптимальны для жанра, Стругацкие показывают «классическую» утопию. Политическая система, авторами проецированная в будущее, напоминает социализм и близка утопической программе Платона в «Государстве», Мора в «Утопии». Общество в «Полдне» не разделено на касты, однако ближе утопийцам Мора тягой к стандартизации, одинаковости. Все сферы жизни будущего оптимизированы и ограничены «полезной» утилитарной деятельностью. Более того, как и Кампанелла в «Городе Солнца», авторы «Полдня» поручают воспитание детей государству — это изложено в главе про Аньюдинский интернат. Дети переданы правительственным педагогам, отделены от семей, что можно назвать одной из неотъемлемых сторон регламентирующей утопии, ставящей государство как главенствующий институт. В «Полдне» каждый гражданин может заниматься деятельностью, которую считает полезной: в мире подчеркивается приоритетность точных наук, но творчество признается необходимым для человечества. Нелогичное поведение (сцена с бегством из 18 комнаты или бессонные исследования математиков) — сводится к пренебрежению собой в пользу науки, частному в пользу общего. Гражданин «Полдня» — это существо сознательное и социальное, ему не имманентны психологические конфликты, неудовольствие жизнью и собой.

Кроме названной особенности топоса (увеличение масштабов), в тексте Стругацких отмечается нетипичное утопическое свойство — растяжимость временных координат. Обычно утопия изображает статичность временных рамок: установленный порядок неизменен в любой период. Герои «Возвращения» попадают в будущее, время растягивается, жизнь их показана в развитии. Так, деятельность группы из четырех человек охватывает юношество и зрелую жизнь, когда «команда из 18 комнаты» собственно перестала быть командой. Далее срабатывает принцип, при котором изменение временных координат влияет на функцию пространства. Бахтин отмечает, что в литературном хронотопе время способно «сгущаться», «уплотняться», а пространство «втягивается в движение времени» [1, с. 341]. Герои «Полдня» попадают из прошлого на космическом звездолете в новую реальность. Пространство как категория растягивается за людьми, открывая читателю новые картины утопической повседневности. Утопическая линия, утвержденная и экстраполированная, продемонстрирована в двух точках — «до» и «сейчас». Утопии Мора или Платона не могли похвастать долгой жизнью: изображается эпизод, слепок реальности в конкретный момент. Но в тексте Стругацких описана ситуация длительной утопии, не показанной в развитии детально, тем не менее получившей возможность демонстрировать сохранение или смену традиций, способность эволюционировать, появление новых тенденций или отказ от них. По М. Бахтину, пространство «осмысливается» временем, в «Полдне» мы становимся свидетелями этого.

Если пространство растягивается за героями-путешественниками, что выступает следствием авторского замысла зафиксировать ориентиры «Полдня», основные позиции утопии по соотношению с утопиями прошлых веков остаются условны и характеризуются статичностью. Общественная картина не имеет динамики, события не позволяют говорить об историческом времени. «Застоем» утопия близка эпосе, и в этом раскрывается такая ее специфика, как «абсолютность» [1, с. 621]. Статичность в таком мире не предполагает конфликтности — двигателя сюжета. Хотя в романе Стругацких не наблюдается опоры на безличное описание, точку зрения,

нерушимую другими персонажами, как в эпопеях, — невозможно распознать поступательное движение в мире «Полдня» на момент его высвечивания в тексте. Никакие мировые и общественные процессы не деформируют сформированную утопию, никто не пытается менять среду, противиться порядкам. Такая картина типична для утопического времени, характеризующегося «завершенностью», отсутствием перемен. Бахтин добавляет, что прошлое эпопеи (утопии) отделено от всех остальных времен «и прежде всего от того времени, в котором находятся певец и его слушатели» [1, с. 620]. Р. А. Гальцева и И. Роднянская определяют, что жители утопии «дальние» по отношению к читателю, не близки по мышлению [2]. Мы не можем отождествлять изображенный мир и современную действительность. Вспомним «Город Солнца» Т. Кампанеллы — до тех пор существующий, пока неизменны обычаи, не сопоставимый с Европой времен написания. «Полдень» устоялся, не меняется на момент изображения, для времени не характерна динамика, отвечающая запросам реалий.

Однако Стругацкие — экспериментаторы, в романе произведена деформация и преобразование нетипичного для утопии хронотопа. Необходимо отметить, что вслед за пространственным и временным компонентами изменилась форма подачи. Обычно демонстрация утопического пространства раскрывается через монологичный рассказ путешественника-гида, это инвариантно для классических утопий. Утопия не имеет личностного подхода, но только отвлеченную информацию об устройстве. При всей прозрачности подачи материала, в отличие от канона, в утопии Стругацких информация поступает не от абстрактного рассказчика, повествующего о правилах функционирования города, как у Мора, а подается через истории людей. Проводник одновременно и герой, он близок к романному началу антиутопии и активен. Это не имманентно для утопии, хотя действующие лица выступают в качестве путешественников.

Поэтому когда главные герои «Полдня» попадают в будущее и описывают его, они также участвуют в общественной жизни. В этом можно обнаружить отход от канона жанра. Отказавшись от описательных конструкций, авторы демонстрируют мир не через посредника — проводника, который отличается всеведением, но через героя, взаимодействующего с «Полднем».

Кроме новой роли героя-проводника активность приобретает и сюжет, едва намеченный в утопии и сведенный к описанию идеального мира. В «Полдне» действия героев не ограничены авторской направленностью на демонстрацию. Персонажи спорят, являются носителями различных точек зрения, тогда как проявления индивидуального не были свойственны книгам Мора и Кампанеллы. Хотя время не приобретает вслед за героями и пространственной компоненты внутренней динамики, временные ориентиры также отделены «абсолютной» дистанцией от реальности.

Трансформация функции локальности утопического хронотопа в «Полдне» Стругацких носит количественный характер. Охват всей планеты и нескольких временных планов не меняют сути утопии, законченной, спроектированной, далекой от современности. И хотя активность героев и отказ от описательности позволяют говорить о прогрессивном подходе, ядро жанра остается, за исключением влияния фантастики, неизменным. Изолированность мира, утилитаризм и теория воспитания, продиктованные канонической традицией, сохраняются и во времени, и в пространстве.

Можно сказать, локализованное пространство как один из единых принципов свойственно и для антиутопий. Отметим, что это инвариантная черта обоих жанров — в этом смысле любопытно замечание Е.Н. Ковтун о природе утопии-антиутопии: по мнению исследователя, это один жанр, имеющий одни правила функционирования, но разные установки [3, с. 74].

Единое Государство в романе «Мы» Е. Замятина построило Зеленую Стену, чтобы отделить дикие просторы, в «Дивном новом мире» О. Хаксли все нецивилизованные люди, рожденные не в инкубаторе, обитают в резервации. Многие признаки жанра утопии наследуются вместе с авторским замыслом изображения той или иной тенденции мира в антиутопический роман.

Так, в романе «Град обреченный» смешиваются принципы построения полярных жанров утопии и антиутопии. Мы можем выделить типичное для утопии построение

пространства: Стругацкие по традиции жанра изображают Город, оградившийся от остального мира и не жалующий гостей. Как и Утопия Мора, Город защищает свои границы (создает армию, готовясь отразить нападение). Но в Городе строится вертикальная система власти («противостояние верха и низа», по Б.А. Ланину и М.М. Боришавской), в самом верху стоит мэр, и это близко Городу Солнца Кампанеллы с правлением Метафизика [4]. Антиутопическое пространство укладывается в рамки утопической философии острова — с присущей ей боязнью чужаков и охраной установленных законов.

Временной аспект хронотопа в «Граде обреченном» отличается от статичного времени в утопиях близостью к тем реалиям, которые охватывают время автора. Необыкновенная подвижность героев способствует продвижению и «незаконченности» времени. Город в отношении хода истории подвижен и не отделен «абсолютной» дистанцией.

В пространственной специфике хронотопа этого произведения Стругацких выделяется несколько особых ориентиров. У каждого антиутопического города есть географические «пометки» на карте, они создают и дополняют образ границ, контур замкнутости. В «Граде обреченном» такими контурами являются Желтая Стена и Красное Здание. Желтая Стена служит ограничивающим фактором для Города по аналогии с Зеленой Стеной, изображенной в «Мы» Замятина. Стругацкие устами главного героя характеризуют этот контур «неоглядной, вертикально вздымающейся желтой твердью с узкой полоской уступа, по которому тянулся Город». Изолированность, обязательная для антиутопии, продиктована авторским замыслом, заключающимся в перманентном обращении внимания Андрея на Желтую Стену: будучи следователем, он изучает материалы дела о гражданах, упавших со Стены; в роли изгоя теряет связь с Городом и Желтая Стена — единственный знакомый ориентир. Только герой осознает, что пространство в мире Города имеет особенность сжиматься к центру. Эта догадка подтверждена, когда герой в финале бредет по пустыне и видит человека, идущего на него («можно было различить, что один из них тоже идет навстречу... Есть у него оружие или нет? Вот тебе и Антигород. Кто бы мог подумать?.. Ох, не нравится мне, как он свою руку держит!»). Пулю получил и он, то есть можно отметить «зеркальность» предметного мира.

Красное Здание также имеет сложную смысловую значимость для пространства Города и в большей мере — для эмоционального развития Андрея. Профессия следователя позволила герою коснуться многих тайн Города, в том числе и секрета Здания, в котором пропадают люди. Оно выступает мифическим элементом, свойственным утопии, иррациональным, не поддающимся регламентации с позиции антиутопии. Когда герой попадает в Здание, он принимает участие в шахматной партии, аллегорически отражающей жизнь и выбор, который делает человек. Андрей встречает там знакомых из прошлого — отражение воспоминаний, в определенный момент он понимает, что выйти из здания нельзя, оставшись у доски: «оно уже многих поглотило...», «надо освободиться от миража и вернуться к делу». Красное Здание оказывается символическим отражением внутренней борьбы тех, кто посетил его. М. Амусин в статье «Иллюзии и дорога» пишет об этом сказочном строении: «У каждого — свое Красное Здание, в нем материализуются подсознательные психологические комплексы, призраки страха и вины». Гражданам открывается смысл жизни, но выйти уже не удастся. «Великая игра... игра во имя величайших целей, которые когда-либо ставило перед собой человечество, но играть в нее дальше Андрей не мог». Не довершив партию, герой покинул Здание, «ощущая свою неспособность участвовать в смертоносной Игре». Став советником, Воронин вновь видит дом: «Но теперь все окна его были темны, и ставен на первом этаже кое-где не хватало, а стекла были грязные, с потеками, с трещинами, кое-где были заменены фанерными покоробленными щитами... И не было больше торжественной и мрачной музыки». Аллегорический смысл Здания раскрывается, когда Андрей осознает, какой шанс упустил, что подкрепляется словами «бред взбудораженной совести».

Антиутопии бедны на мифические явления, которые более свойственны фантастике и во многом утопиям. Но Красное Здание отражает именно волшебный аспект:

нелогичный, но прямо связанный с героем, развитием его внутреннего мира, сомнениями по поводу выбранного пути и места в Городе.

Временное устройство в тексте также зависит от героя, что говорит об антиутопическом характере романа, более персоналистичном по характеру. Условное по форме, по содержанию время относится к историческому: мы не можем сказать о «конечности» и «мифичности», наблюдаемых в «Утопии» Т. Мора. Многие ключевые моменты проецирует факты и события из реальной жизни, наблюдается тон непрерывности. Каждая часть описывает период из жизни героя: «Мусорщик», «Следователь», «Редактор», «Господин советник», «Разрыв непрерывности», «Исход».

Время в романе представляет непрерывное движение, бурную череду событий, закрученных вокруг главного героя. Скорость смены событий зависит от того, насколько важный эпизод жизни героя происходит перед читателем. При этом время нельзя назвать завершенным: в Городе постоянно что-то меняется, каждый день происходит новое, порой иррациональное (например, когда неожиданно появились павианы). Это происходит, в отличие от утопий с конечным абсолютным временем, потому, что Город не обрел идеального статуса, пространство и время, не застывшие в развитии, характерны для антиутопии (в «Мы» Замятина сломали Стену, в «451 градус по Фаренгейту» Брэдбери взорвали город).

Деформация жанра определяет не только активность героев, динамику событий, таким образом, но также трансформирует новое пространственное положение и временную соотнесенность в строении всего формально-содержательного ядра произведения. Отмеченное М. Бахтиным радикальное влияние романа на «старые жанры» справедливо в отношении антиутопического конструкта в творчестве Стругацких. Авторами смоделированы новые позиции хронотопа, влияющие на структуру жанра. Проектирование нового уровня пространственно-временной связи в «Полдне» и аллегоричность многих аспектов в «Граде обреченном» характеризуют инновационный метод смешения черт утопии и антиутопии в пределах одного текста.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Гальцева Р. А., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопии // Новый мир. 1988. № 12. С. 217–230.
3. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 406 с.
4. Ланин Б.А., Боришавская М.М. Русская антиутопия XX века. М., 1994.
5. Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: пер. с лат., англ., фр. / сост. вступ. ст. и примеч. И. Семибратовой. М.: Правда, 1989. 608 с.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч.: в 11 т. Т. 7. 1973–1978 гг. 2-е изд., испр. М.: Астрель, 2013. 589 с.

References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii*. T. 3: *Teoriia romana (1930-1961 gg.)* [Collected works. Vol. 3: *Theory of a novel (1930-1961)*]. M.: *Iazyki slavianskikh kul'tur*, 2012, 880 p. [in Russian].
2. Galtseva R.A., Rodnianskaja I. *Pomekha - chelovek. Opyt veka v zerkale antiutopii* [The obstacle is a Human. Century experience in the mirror of anti-utopia]. *Novy mir* [New world], 1988, no. 12, pp. 217–230 [in Russian].
3. Kovtun E.N. *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka: Ucheb. Posobie* [Artistic fiction in literature of the XX century: textbook]. M.: *Vysshaia shkola*, 2008, 406 p. [in Russian].
4. Lanin B.A., Borishavskaja M.M. *Russkaia antiutopiia XX veka* [Russian anti-utopia of the XX century]. M., 1994, p. 167 [in Russian].
5. *Zarubezhnaia fantasticheskaia proza proshlykh vekov: Per. s lat., angl., fr. Sost. vstup. st. i primech. I. Semibratovoi* [Foreign fantastic fiction of the past centuries: transl. from Latin, English, French. Compiler, entry article and notes I. Semibratova]. M.: *Pravda*, 1989, 608 p. [in Russian].
6. *Strugatsky Arkady, Strugatsky Boris. Sobranie sochinenii. V 11 t. T. 7. 1973-1978 gg.* [Collected works. In 11 Vols. Vol. 7. 1973–1978]. 2nd edition, revised. Moscow: *Astrel*, 2013, 589 p.

*M.S. Everstov**

**PECULIARITIES OF CHRONOTOPE COMPOSITION
IN THE NOVELS BY THE STRUGATSKY BROTHERS
(«NOON, 22ND CENTURY», «THE DOOMED CITY»)**

The present article studies some specific features of the functioning of utopia and anti-utopia genres in creative works by brothers Arcady and Boris Strugatsky. The main importance is being paid to the study of the structure of time and space interconnection of the artistic whole. In particular the article is focused on the chronotope as high register content related of the prose. Complicated pattern of literary utopia and anti-utopia in the novels under study primes analysis of chronotope use to distinguish the dominant genre. The clarification of the temporal and spatial components of the chronotope character will make it possible to identify the characteristics, immanent to definite genres. The novels under study are "Noon, 22nd century" and "The Doomed City". The specificity of chronotope in these novels by the Strugatsky brothers allows to research the transformation of the nominal characteristics of utopia and anti-utopia in the context of the authors' conception influence.

Key words: Utopia, anti-utopia, novel, characteristics of the genre, chronotope, fantastic, absolute time, absolute content, temporal and spatial components, plot.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Everstov Maksim Sergeevich* (magistr_magius@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature, North-Eastern Federal University in Yakutsk, 58, Belinsky street, Yakutsk, 677000, Russian Federation.